

АРХАИЧЕСКАЯ ЭЛИДА И ЕГИПЕТ: К ПРОБЛЕМЕ КОНТАКТОВ*

В истории греко-египетских отношений эпоха архаики занимает особое место. Именно на время правления Саисской династии приходится так называемое «второе открытие Египта» эллинами: основываются греческие поселения в Стратопедах, Навкратисе, греческие наемники активно привлекаются фараонами к службе, сами фараоны заслуживают себе репутацию филэллинов, делают посвящения в важные эллинские святилища материковой Греции и т.д.¹ Очарование цивилизацией, намного более древней, нежели греческая, без труда уловили в трудах Геродота и Платона и берет свое начало из предшествующего периода. Традиция сохранила сведения о посещении Египта великими мудрецами архаического времени (Ликиургом, Солоном, Пифагором и др.), что дало основание некоторым исследователям говорить даже о своего рода «египетском мираже» в греческой культуре².

Наличие связей с Египтом может рассматриваться в качестве важного критерия при оценке уровня исторического развития того или иного региона Греции. Наиболее тесные отношения с Египтом в это время поддерживали, насколько можно заключить, полисы Ионии, Родос, Кария, эолийская Митилена, а также Коринф, Атика, и – до некоторого времени – Спарта³.

* В основу данной статьи положен одноименный доклад, прочитанный автором на XVI Сергеевских чтениях на кафедре истории Древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова 29 января 2009 года. К сожалению, в краткие тезисы доклада (опубликованы: ВДИ. 2009. № 4. С. 247) по не зависящим от автора причинам вкралась досадная неточность, существенно исказившая исходную авторскую аргументацию (ономастические данные названы «эпиграфическими»). Настоящая публикация представляет собой расширенный вариант этого доклада и позволяет читателю составить более полное представление о затронутой проблеме и предложенных путях ее решения.

¹ См. *Lloyd A.B.* Herodotus Book II. Introduction. Leiden, 1975. P. 13–58 (см. подробную иностранную библиографию по самым различным вопросам греко-египетских отношений); *Snodgrass A.M.* The Archaeology and the Emergence of Greece. Ithaca–New York, 2006. P. 11–12; *Колобова К.М.* Греки в Египте (Дафни и Навкратис) // Уч. зап. ЛГУ. № 112. Сер. исторические науки. Вып. 14. С. 237–279; *Борухович В.Г.* Египтяне и греки в VI–V вв. до н.э. // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. 1965. Сер. история. Вып. 67. С. 74–137; *он же.* Историческая концепция египетского логоса Геродота // АМА. Вып. 1. Саратов, 1972. С. 66–77; *Строгецкий В.М.* Взаимоотношения Спарты с Лидией и Египтом в VII–VI вв. до н.э. // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. Т. 1. С. 274–279; *Яйленко В.П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 197–209; *Браун Т.-Ф.-Р.-Г.* Греки в Египте // Кембриджская история древнего мира. Расширение греческого мира. VIII–VI века до н.э. / Под ред. Дж. Бордмена, Н.-Дж.-Л. Хэммонда / Пер. с англ., подг. текста, предисл., прим. А.В. Зайкова. М., 2007. С. 47–74 (см. также подробную библиографию в двух последних изданиях).

² *Froidefont C.* Le mirage égyptien dans la littérature grecque d'Homère à Aristote. P., 1971.

³ *Яйленко.* Ук. соч. С. 201–202.

В данной статье будет рассмотрена проблема контактов между Элидой и Египтом. Стоит оговориться, что наше обращение к данной теме продиктовано не столько интересом к истории греко-египетского взаимодействия как такового (эта проблема чрезвычайно многоаспектна и интересна сама по себе), сколько необходимостью, продиктованной исследованием внутренней истории развития элейского полиса и его контроля над Олимпийским святилищем. Как это часто случается, поиск пути решения одной конкретно-исторической проблемы упирается в ряд смежных вопросов как исторического, так и источниковедческого характера, которые мы постараемся осветить в нижеследующих строках.

1. ЭЛЕЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ЕГИПЕТ

История архаической Элиды освещена письменными источниками значительно хуже, чем, скажем, архаическая история афинского или спартанского полисов – ситуация в антиковедении не уникальная и вполне знакомая многим специалистам, изучающим так называемую «третью Грецию»⁴. Во многом тем, что нам все-таки удастся узнать от древних авторов об истории элейского полиса, мы обязаны Олимпийскому святилищу и играм. Однако преданию о посольстве, отправленном из Элиды в Египет, чтобы выяснить наилучшие правила проведения Олимпийских агонов, в историографии, за немногочисленными исключениями, уделялось крайне мало внимания, – на наш взгляд, незаслуженно.

Предание дошло до нас в двух разных вариантах – сообщениях Геродота и Диодора, которые разнятся между собой как датировкой посольства – соответственно, – временем Псамметиха II (595–589 гг.)⁵ или Амасиса (570–526 гг.), так и некоторыми повествовательными деталями.

Для наглядности приведем эти сообщения полностью:

(1) Herod. II. 160:

В царствование этого Псаммиса прибыли в Египет послы элейцев (Ἠλείων ἄγγελοι) и стали похваляться тем, что устроили Олимпийские игры по самым справедливым и прекрасным законам на свете. Кроме того, по их словам, даже сами египтяне, мудрейший народ на свете, не могли бы придумать ничего лучше [и справедливее]. Итак, когда элейцы прибыли в Египет и изложили царю дело, ради которого приехали, царь этот велел созвать египтян, славных своей великой мудростью (ἀπίκато, Αἰγυπτίῳ τοὺς λεγόμενους εἶναι σοφωτάτους). Мудрецы собрались и стали расспрашивать элейцев, какие у тех правила и порядки на олимпийских состязаниях. Элейцы рассказали им все, прибавив в заключение, что прибыли сюда узнать, не могут ли египтяне придумать еще более беспристрастные правила и порядки на состязаниях. А мудрецы, посоветовавшись, спросили, принимают ли участие на состязаниях также элейские граждане. Те ответили, что и они также могут состязаться подобно всем другим эллинам. Египтяне же на это возразили, что такими порядками они совершенно нарушают беспристрастие: ведь как судьи они не могут беспристрастно относиться к борцу из своих граждан и не обижать чужеземцев. Если они желают проводить состязания по справедливости и ради этого прибыли в Египет, то должны допускать к состязаниям только иноземцев и исключить всех элейцев (ξείνοισι ἀγωνιστῇσι ἐκέλευον τὸν ἀγῶνα τιθέναι, Ἠλείων

⁴ Удачный, на наш взгляд, термин, введен в оборот Х.-И. Герке: *Gehrke H.-J. Jenseits von Athen und Sparta: Das Dritte Griechenland und seine Staatenwelt. München, 1986.*

⁵ Здесь и ниже датировки правления египетских фараонов даны по кн.: *Бикерман Э. Хронология Древнего мира. Ближний Восток и античность. Сретенск, 2000. С. 178.*

δὲ μηδὲν εἶναι ἀγωνίζεσθαι). Такой ответ дали египтяне элейцам. (пер. Г.А. Стратановского)

(2) Diod. I. 95. 2:

Рассказывают также, что элейцы, имеющие попечение об Олимпийских состязаниях, отправили к нему [Амасису] послов (πρὸςβευτάς), чтобы спросить, как бы было справедливее [их устроить] (πῶς αὖ γένοιτο δίκαιότατος), он же [Амасис] ответил, что если бы никто из элейцев не состязался [там].

К сожалению, в исследованиях, специально посвященных истории Олимпийских игр, данные сообщения если и не игнорировались совершенно – так, для Э.Н. Гардинера они служили иллюстрацией роста популярности празднества в VI в. до н.э.⁶, а для Л. Дрееса – принципа беспристрастности судейства на состязаниях⁷, то, как правило, авторы предпочитали лишь ограничиваться ссылкой на рассказ Геродота в качестве указания на наличие правил состязаний⁸ или как смутное отражение борьбы за право проводить Олимпийские игры⁹. Единственным исключением является работа В. Декера, о которой речь пойдет чуть ниже.

Некоторые исследователи, отрицавшие историчность рассказов об элейском посольстве, лишь ограничивались беглыми критическими замечаниями о недостоверности предания и невозможности использовать эти сведения для реконструкции ранней элейской истории, но не делали сообщения древних авторов предметом специального рассмотрения¹⁰.

Несколько больше внимания преданию об элейском посольстве уделили исследователи, изучавшие отражение в древнегреческой литературной прозе всевозможных ментальных установок и преломление в ней фольклорных мотивов.

В. Али обратил внимание на то, что лежащее в основе сообщения Геродота критическое отношение к идее о справедливости руководящих Олимпийскими играми элейцев едва ли могло быть почерпнуто историком из Египта, а на самом деле должно было возникнуть где-то в эллинской среде, где недолгоблюдали элейцев. Геродот же лишь приписал этот фольклорный эпизод времени правления фараона, о котором мало что было известно¹¹. Касаясь вопроса о конкретном источнике этого сообщения Геродота, В. Али не исключал, что им могло стать некое произведение, созданное в рамках движения софистов¹². К. Фруадфон также высказывался

⁶ Gardiner E.N. *Olympia, its History and Remains*. Oxf., 1925. P. 96.

⁷ Drees L. *Olympia: Gods, Artists, Athletes*. New York–Washington, 1968. P. 42.

⁸ Finley M.J., Pleket H.W. *The Olympic Games: the First Thousand Years*. L., 1976. P. 67; заметим, однако, что в работе, специально затрагивающей проблему античного международного законодательства, касающегося агонистики, рассматриваемые пассажи из Геродота и Диодора не упоминаются вовсе: Siewert P. *The Olympic Rules* // *Proceedings of an International Symposium on the Olympic Games. 5–9 September 1988* / Ed. by W. Coulson, H. Kyrieleis. Athen, 1992. P. 113–117.

⁹ Ulf Chr. *Die Mythen um Olympia: politischer Gehalt und politische Intention* // *Nikephoros*. 1997. 10. S. 10.

¹⁰ Meyer E. *Pisa, Pisatis* // *RE*. 1950. Bd 20. Sp. 1752; Meulenaere H. de. *Herodotos over de 26ste Dynastie*. Louvain, 1951. P. 66; Möller A. *Elis, Olympia und das Jahr 580 v. Chr. Zur Frage der Eroberung der Pisatis* // *Griechische Archaik. Interne Entwicklungen – externe Impulse*. B., 2004. S. 252.

¹¹ Aly W. *Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Eine Untersuchung über die Volksstümlichen Elemente der altgriechischen Prosaerzählung*. Göttingen, 1921. S. 72.

¹² Ibid. S. 272.

в пользу того, что данный пассаж у Геродота является целиком вымышленным и свидетельствует лишь о высоком моральном престиже, которым обладал образ правителя Египта в представлении греков того времени¹³.

Составители специализированных комментариев к обоим произведениям, откуда взяты исследуемые пассажи, конечно, не могли пройти мимо совпадений и различий в сообщениях Геродота и Диодора¹⁴. Наиболее детальный разбор этих свидетельств выполнен в фундаментальной работе А.Б. Ллойда (см. там же подробную библиографию вопроса). Исследователь настаивает на необходимости рассматривать данный конкретный пассаж из сочинения Геродота в сопоставлении с другими логосами этого автора и в случае выявления псевдоисторических мотивов, обнаруженных в других сообщениях, следует и этому свидетельству отказать в историчности. Среди таких широко распространенных мотивов А.Б. Ллойд, в частности, выделяет мотив мудрости египтян, мотив мудрого правителя и мотив испытания. По мнению исследователя, предание сложилось как часть элейской пропаганды, призванной подтвердить законность притязаний элейцев на управление Олимпийскими играми путем апелляции к Египту как общепризнанному в глазах греков источнику мудрости. В свою очередь, мотив унижения элейской гордости мудрыми советниками фараона появился позднее, как негативная реакция на лестные отзывы об организации игр¹⁵. В историографии также имеются и сторонники противоположной точки зрения, которые склонны признавать, что предание об элейском посольстве имеет под собой некую реальную почву¹⁶.

Наиболее последовательно эта точка зрения отражена в статье В. Декера. Учитывая общую историческую ситуацию VI в. до н.э., оживление греко-египетских отношений в Саисский период, положение Олимпийского святилища как мощного «центра притяжения», где пересеклись информационные потоки с разных концов греческого мира, а также историю конфликта между Элидой и Писатидой за контроль над святилищем, этот исследователь заключил, что элейское посольство реально могло быть отправлено в Египет для обоснования претензий этого полиса с опорой на авторитет египтян¹⁷.

Таким образом, две противоборствующие историографические тенденции исходят в оценке свидетельств об элейском посольстве из разных оснований. Для скептиков существенным представляется жанровое своеобразие свидетельств, их фольклорный или «анекдотический» характер, в то время как сторонники историчности предания в первую очередь обращают внимание на правдоподобие

¹³ *Froidefont*. Op. cit. P. 186.

¹⁴ *How W. W., Wells J.* A Commentary on Herodotus. Oxf.–N.Y., 1989. Vol. 1. P. 247–248; *Burton A.* Diodorus Siculus. Book I. A Commentary. Leiden, 1972. P. 274.

¹⁵ *Lloyd A.B.* Herodotus. Book II. Commentary. 99–182. Leiden, 1988. P. 165–167.

¹⁶ *Laut F.J.* Aus Aegyptens Vorzeit. B., 1881. P. 245; *Mallet D.* Les premiers établissements grecs en Egypte // *Mémoires publiés par les Membres de l'Institut français d'Archéologie orientale du Caire*. 1893. 12. Fasc. 1. P. 113–114. Обе работы цит. по кн.: *Froidefont C.* Le mirage égyptien dans la littérature grecque d'Homère à Aristote. P., 1971. P. 186; *Ulfr*. Op. cit. S. 10, 31.

¹⁷ *Decker W.* La délégation des Éléens en Égypte sous la 26e dynastie (Her. II. 160 – Diod. I. 95) // *Chronique d'Égypte*. 1974. 49. № 97. P. 31–42; независимо от В. Декера мы пришли к аналогичным выводам: *Евдокимов П.А.* Предание об элейском посольстве в Египет и его историческое значение // *Древний Восток и античный мир*. М., 2002. Вып. 5. С. 75–85 (работа была написана, когда статья В. Декера оставалась для нас, к сожалению, недоступной).

ситуации, ее соответствие известному историческому контексту. Однако, справедливости ради, стоит признать, что правдоподобность не означает немедленно историчности: из того факта, что то или иное событие могло произойти, еще не следует необходимым образом, что оно действительно произошло. С другой стороны, следует признать и то обстоятельство, что жанровое своеобразие источника не может однозначно и безоговорочно выступать в качестве единственного критерия достоверности сообщаемых в нем сведений, в то время как исследователи, отвергавшие сообщение Геродота, исходили лишь из его формы («анекдотический рассказ его проводника-чичероне», или «сказка», или «софистический анекдот» и т.д.), а не содержания.

В изложении Геродотом предания о посольстве действительно заметно наличие «сказочных» элементов: послы прибывают ко двору фараона-мудреца, окруженного такими же мудрецами, похваляются и терпят поражение в своеобразном «состязании в мудрости». Оценка правил игр египетскими мудрецами дана с позиции рациональной критики игр, возможно и впрямь восходящей к софистическим или близким им по взглядам кругам. Обратим внимание, что критические замечания по поводу Олимпийских игр начинают звучать в греческой литературе по меньшей мере если не с легендарного Анахарсиса (Diog. Laert. I. 103; Luc. Anachar. Passim.), то с историчного Ксенофана (fr. 2)¹⁸. К тому же на восприятие этого рассказа вольно или невольно «отбрасывают тень» сведения Геродота о поездке Солона в Египет – сюжете, которому уделено гораздо больше внимания, нежели элейцам. Пиетет перед египетской цивилизацией и намерение вывести из Египта многие греческие установления тут очень заметен и служит источником скепсиса. Однако своеобразие анекдота как жанра вряд ли исключает возможность использовать его в качестве исторического источника: фольклор вполне может отражать реально имевшие место события, другое дело – в какой форме происходит это отражение¹⁹. Поэтому решение вопроса об элейском посольстве в пользу той или иной точки зрения возможно лишь с привлечением новых дополнительных аргументов.

Стоит также отметить, что вне зависимости от взглядов исследователей на проблему достоверности сообщений Геродота, свидетельству Диодора до сегодняшнего дня отказывали в самостоятельности, признавая его вторичным по отношению к Геродоту²⁰, в то время как наличие в обоих сообщениях помимо сходства общей фабулы еще и немаловажных различий требует специального объяснения, а значит уместно вновь поставить на повестку дня вопрос о соотношении данных свидетельств Геродота и Диодора между собой.

Как можно заметить, в сообщении Диодора ничего не говорится об окружавших фараона мудрецах, которым у Геродота препоручается задача испытания послов, а целью элейского посольства представлена не похвальба (как у Геродота), а во-

¹⁸ См. подробнее *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л., 1985. С. 111–116; *Шанин Ю.В.* Критика агонистической ограниченности в эллинской поэзии VII–VI вв. до н. э. // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. Т. 2. С. 180–186; *он же.* Олимпия. История античного атлетизма. СПб., 2001. С. 117–120.

¹⁹ См. о подходе к проблеме соотнесения истории и фольклора на неантичном материале: *Белова О.В., Петрухин В.Я.* Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М., 2008. С. 3–8; *Неклюдов С.* Происхождение анекдота: «Муха-Цокотуха» под судом советских вождей // Постсоциалистический анекдот. Международный симпозиум. 15–16 января 2007. Тарту, 2007. С. 19–20, 37–72.

²⁰ *Aly.* Op. cit. S. 72; *Lloyd.* Herodotus. Book II. Commentary. 99–182. P. 159–161, 166; *Decker.* Op. cit. P. 37.

прошание совета. Послы версии Диодора на самом деле не знают, как надо справедливо устроить игры, и именно за этим прибывают они к мудрому фараону. Но данный им совет целиком совпадает с тем, что изложен в версии Геродота. Надо заметить, что Диодор в данном пассаже не скрывает, что передает эту информацию из третьих рук, о чем свидетельствует вводная конструкция *φασι δέ* и последующий оборот *accusativus cum infinitivo*, однако автор не указывает источник своей информации, как он это весьма часто делает, когда в других частях своего труда ссылается на Геродота (I. 38. 8; 69. 7; II. 15. 1; 32. 2–3; IX. 20. 4; X. 24. 1; XI. 37. 6), поэтому возможно, что Диодор в данном случае использовал какую-то другую версию. Но поскольку, помимо краткости, вторая версия отличается от первой еще и датировкой описываемых событий, ее нельзя считать просто-напросто позднее появившимся «очищенным» вариантом первоначального «анекдота»; сведения о том, что посольство прибыло именно к Амасису, должны были по каким-то причинам показаться Диодору более заслуживающими доверия, нежели Геродотов рассказ.

Кроме того, версии предания различаются не только деталями и датировкой, но своей ролью внутри повествований, частью которых они являются. У Диодора небольшой отрывок о посольстве включен в рубрику «О знаменитых законодателях» и служит цели создания колоритного образа мудрого Амасиса, к которому даже эллины обращались за советами по поводу такого чисто эллинского установления, как Олимпийские игры. При этом совету Амасиса реально элейцы не внимают (в историческое время граждане Элиды участвовали в олимпийских состязаниях наравне с другими эллинами и очень часто выходили победителями²¹) – это обстоятельство как будто выпадает из поля зрения античного историка.

Версия Геродота, напротив, внутренне непротиворечива: элейцы в Египте ищут не мудрости, а сами хвалятся своими агонально-законодательными достижениями, на что в ответ получают разумный совет, каковой оказывается более справедливым, нежели их собственные установления.

Упоминание о совете, данном элейцам в Египте (без указания на то, при каком фараоне произошло это событие), имеется и в сочинении Плутарха «Платоновские вопросы» (Plat. Mor. 1000 A–C). В данном случае древний автор вспоминает о полученном элейцами совете в рамках философского трактата, а не исторического сочинения в качестве примера беспристрастности суждения при разрешении споров. Само по себе это обстоятельство достаточно красноречиво свидетельствует о том, насколько данное предание было известно в античном мире среди образованной аудитории.

Кроме того, весьма интересное упоминание о Египте в связи с разговором о порядке избрания гелланодиков в Олимпии мы встречаем в романе Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского», когда главный герой во время своего путешествия на Восток беседует с индийским мудрецом Иархом (Vit. Apoll. III. 30). Обсуждая вопрос о том, каковым должно быть число мудрецов, собеседник Аполлония переходит к критике способа избрания и числа избираемых в Элиде гелланодиков и при этом объясняет свою осведомленность в этих делах тем, что о таком порядке и о других элейских обычаях индийцы слышали от египтян. И в данном случае предметом обсуждения является осуществление судейства на играх, что вполне отвечает тематике разговора между элейцами и египетской стороной у

²¹ О статистике см. исследования: *Crowther N.B.* Elis and the Games // *L'antiquité classique*. 1988. 57. P. 301–310; *idem.* Boy Victors at Olympia // *Ibid.* 1989. 58. P. 206–210.

Геродота и Диодора. Надо полагать, что Флавий Филострат, достаточно хорошо знакомый с историей и реалиями Олимпийских игр (хотя бы как автор трактата «О гимнастике»), не случайно использовал для развития беседы мудрецов именно в этом направлении египетскую тему, так как, вероятно, и он располагал какой-то вполне конкретной информацией об имевших место элейско-египетских контактах по проблеме организации игр и эти сведения казались ему достаточно обычными и не требующими дополнительных объяснений, откуда египтянам известны подробности организации Олимпийского празднества.

Таким образом, мы имеем дело со следами достаточно обширной и продолжительной (по меньшей мере с середины V в. до н.э. и по III в. н.э.) античной традиции о неких элейско-египетских контактах по поводу устройства Олимпийских игр, а точнее – по поводу распорядительства играми и организации судейства на них. В древности традиция эта, по всей видимости, была представлена гораздо большим количеством трудов и не исчерпывалась указанными отрывками из Геродота, Диодора, Плутарха и Филострата²². Следовательно, необходимо учитывать, что нам доступны лишь отдельные сохранившиеся звенья античной традиции, в то время как составить целостное представление обо всех ее элементах, увы, нельзя.

Обратим внимание, что обе версии предания, несмотря на разные имена фараонов, относят факт обращения элейцев в Египет к VI в. до н.э. – не раньше и не позже. Само по себе это обстоятельство весьма примечательно. Именно в VI в., согласно преданию, вопрос о справедливых правилах организации Олимпийских игр становится для элейцев актуальным – они искали совета и способа сделать более совершенной систему устройства празднества.

В отношениях между Элидой и олимпийским святилищем VI век занимает особое место. В это время зависимость святилища и проводившихся в нем агонов от элейского полиса сильно возрастает и руководство играми переходит в руки элейцев²³.

На первую четверть VI в. приходится целая череда конфликтов между Элидой и писейскими правителями Дамофонтом и Пирром, окончившаяся победой элейцев (Paus. VI. 22. 2–4, cf. V. 16. 2–8)²⁴. По свидетельству Секста Юлия Африкана (Euseb. Chron. I. P. 198. Schoene)²⁵, 572 год до н.э. – это время окончания писейского руководства играми.

Кратко излагая историю магистратуры гелландиков с опорой на местную элейскую традицию²⁶, Павсаний отмечает, что именно в 580 г. (50-я олимпиада) происходит первое существенное изменение численности судей-распорядителей Олимпийских игр: с этого времени судей становится двое, их выбирают, и выбор осуществляется жеребьевкой и из всего числа элейцев (Paus. V. 9. 4. 5–6). Собствен-

²² В. Али на этом основании предполагал, что Геродот сведения о посольстве взял из энциклопедического литературного произведения, возникшего в кругу софистов (Op. cit. S. 272).

²³ Подробнее см. *Евдокимов*. Предание об элейском посольстве... С. 79–82; *он же*. Элида и управление Олимпийским святилищем в VIII–V вв. до н.э. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 101–109, 135–136, 229–241.

²⁴ Swoboda H. Elis // RE. 1905. Bd 5. Sp. 2390–2391; Gardiner. Op. cit. P. 85.

²⁵ Вопросы о хронологии этих конфликтов, об отдельных деталях, участниках и ходе событий – вопросы сами по себе весьма интересные, но в данной статье мы вынуждены оставить их за рамками нашего рассмотрения.

²⁶ Bultrighini U. Pausania e le tradizioni democratiche (Argo e Elide). Padua, 1990. P. 151–152.

но говоря, с этого момента можно более или менее уверенно говорить о распорядителех игр как о магистратах, а не лицах, занимавших данный пост по наследству.

Приблизительно к этому же времени относится появление в Олимпии специализированных сооружений, предназначенных для размещения административных органов и осуществления ими своих функций: строится бульвертий (середина – вторая половина VI в.)²⁷. С сооружением бульвертия на исторической сцене впервые становится заметным новый административный орган – избирающийся из числа элейцев Олимпийский совет. Строительством так называемого «Стадиона I» в Олимпии исследователи в последнее время склонны датировать около 560/550 г.²⁸

Известные эпиграфические законы, регламентирующие поведение в святилище, появляются, насколько об этом можно судить к настоящему времени, именно во второй трети VI в.²⁹ Ближе к концу столетия относится бронзовая табличка с правилами состязаний в кулачном бою³⁰. Насколько можно судить по сохранившемуся фрагменту, этот документ содержал клаузулу, направленную на предотвращение возможного влияния на решение судей со стороны элейцев и их «союзников». Показательно, что аутентичный эпиграфический документ последней четверти VI в., в сущности, актуализирует ту же проблему, что и предание об элейском посольстве, – проблему беспристрастности элейских судей, которые должны судить состязающихся – как своих соотечественников, так и чужеземцев. Особая оговорка в правилах состязаний имела своей целью уладить противоречие между общезеллинским характером Олимпийского празднества и все более усиливающейся ролью элейского полиса не только в руководстве играми, но и в Северо-Западном Пелопоннесе в целом³¹.

Именно к такому историческому контексту относят наши источники элейское посольство в Египет. При этом необходимо отметить, что предание содержит как раз критическое отношение к единовластию элейских судей на состязаниях, поэтому его можно рассматривать как реакцию на реальные исторические события, связанные в первую очередь не с Египтом и греко-египетскими отношениями, а с внутригреческими проблемами. Предание в том виде, как оно представлено у Геродота, вероятно, сформировалось в среде, критически настроенной по отношению к элейской администрации Олимпийского святилища. Совсем не мудрость советников фараона заботила представителей этих кругов, а наиболее справедливый ответ на вопрос: «Кто и на каких условиях должен распоряжаться панэллинским святилищем и агонами?».

²⁷ Gardiner. Op. cit. P. 267–274; Herrmann H.-V. Olympia. Heiligtum und Wettkampfsstätte. München, 1972. S. 104–105; Герасимова Л.Ю. Концепция Олимпийских игр и художественное оформление Олимпии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 142.

²⁸ Schilbach J. Die Entwicklungsphasen des Stadions // Proceedings of an International Symposium on the Olympic Games. 5–9 September 1988 / Ed. by W. Coulson, H. Kyrieleis. Athen, 1992. P. 33, 37; Герасимова. Ук. соч. С. 145.

²⁹ Siewert P. Die wissenschaftliche Bedeutung der Bronze-Urkunden aus Olympia (mit der Erstedition einer frühen Theorodokie-Verleihung als Beispiel // Olympia 1875–2000. 125 Jahre Deutsche Ausgrabungen. Mainz am Rhein, 2002. S. 361.

³⁰ Idem. The Olympic Rules. S. 114–115; idem. Die Inschriften Olympias der letzten 100 Jahre und ihr Beitrag zur Kenntnis der Olympischen Agone // Nikephoros. 1997. 10. S. 246.

³¹ Siewert P. Symmachien in neuen Inschriften von Olympia. Zu den sogenannten Perioeken der Eleer // Federazioni e federalismo nell'Europa antica. Milano, 1994. Vol. 1. S. 260–262; Roy J. The Perioikoi of Elis // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community. Copenhagen, 1997. P. 282, 289–298.

Надо заметить, что в архаическую эпоху этот вопрос уже стоял на повестке дня в связи с судьбой Дельфийского святилища – и система взаимоотношений, сложившаяся после Первой священной войны, разительным образом отличалась от ситуации вокруг Олимпии³². Имеющаяся статистика демонстрирует, что, как бы мы сейчас сказали «в неофициальном командном зачете» среди олимпийщиков обеих возрастных категорий лидировали именно элейские граждане³³, известен случай с атлетом IV в. до н. э. Леоном из Амбракии (Paus. VI. 3. 7), оспаривавшим победу в беге, которую гелланоидики присудили не ему, а их соотечественнику-элейцу³⁴.

Предание об элейском посольстве в изложении Геродота и Диодора, словно зеркало, показывает нам, какую реакцию вызвали в части греческого общества перемены, произошедшие в Олимпии в VI в. Проблема проведения и организации игр рассматривалась с этого времени как единый комплекс политико-правовых реалий, который было возможно обсуждать и анализировать с точки зрения его справедливости. Упоминание *δίκη* и производных от этого слова – *δικαίωτα* (Herod. II. 160), *δικαίωματος* (Diod. I. 95. 2) и семантически близкого в данном контексте *κάλλιστος* (Herod. II. 160) в обеих версиях предания не случайно³⁵. При некоторой зыбкости конкретных хронологических привязок, первые три четверти VI в. воспринимались эллинами как период качественных изменений в сфере управления Олимпийскими играми, и эти изменения не были в такой степени призрачны и иллюзорны, как та «анекдотическая» форма, в которую была облечена память о них.

Разобрав вопрос о ситуации, мотивировавшей возникновение данного предания, стоит теперь обратиться к проблеме его исторического ядра. Иными словами – какие реальные исторические события легли в основу обоих сообщений древних авторов о посольстве в Египет?

Сторонник гипотезы об историчности посольства, В. Декер, приводил в качестве аргумента высокий моральный авторитет египтян как мудрейшего народа в мире, к которому, с точки зрения ученого, было вполне логично апеллировать в качестве третьей, незаинтересованной стороны в условиях спора между Элидой и Писатидой за Олимпию³⁶. В то же время его оппоненты склонны рассматривать преклонение перед мудростью египтян в качестве устойчивого литературного мотива, который не требует никакого особого исторического объяснения³⁷. А. Мёллер идет еще дальше и, отталкиваясь от ненадежности сведений о посольстве, вновь пытается реанимировать представление гиперкритиков об отсутствии какого бы то ни было элейско-писейского соперничества за Олимпию до 365 г.³⁸

³² Глускина Л.М. Дельфы в период Первой священной войны // ВДИ. 1951. № 2. С. 220–221; она же. Из новой литературы о Дельфах // ВДИ. 1961. №4. С. 159; Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 181–194, 209–214.

³³ См. Crowther. *Elis and the Games*. P. 301–302; *idem*. *Boy Victors at Olympia*. P. 207.

³⁴ *Idem*. *Sed quis custodiet ipsos custodes?: the Impartiality of the Olympic Judges and the Case of Leon of Ambracia* // Nikephoros. 1997. Vol. 10. P. 149–160.

³⁵ Зафиксировано ироничное высказывание о справедливости элейских судей и правил игр, приписываемое спартанскому царю Агису (Plut. Lycurg. 20. 3. 1–4).

³⁶ Decker. *Op. cit.* P. 35.

³⁷ Lloyd. *Herodotus. Book II. Commentary*. 99–182. P. 166; Froidefont. *Op. cit.* P. 186.

³⁸ Möller. *Op. cit.* S. 249–270; cf. Niese B. *Drei Kapiteln eleischen Geschichte* // Carl Robert zum 8 März 1910. Genethliakon. B., 1910. S. 3–47.

Признавая за скептиками право требовать от сторонников историчности посольства более весомых доказательств, нежели постулирование правдоподобия (вспомним известное изречение М. Твена: «Вымысел должен держаться в пределах вероятного, а правда — нет»), мы вместе с тем считаем, что и в случае признания посольства псевдоисторической фикцией египетский «антураж» предания требует отдельного объяснения. Ведь одного недовольства монополией элейцев на судейство в Олимпии явно недостаточно, чтобы в роли их критика выступил египетский фараон и его приближенные мудрецы.

Все это заставляет нас рассмотреть вероятные косвенные указания на наличие ранних контактов между Элидой и Египтом.

2. ЭЛИДА И ОРАКУЛ АММОНА

В поисках элейских следов в саисском Египте стоит, в первую очередь, обратить внимание на свидетельство Павсания о фактах обращения элейцев к оракулу Зевса Аммона в оазисе Сива. Сообщение об этом автор приводит, объясняя, почему в пританее Олимпии находились статуи Зевса Аммона, Геры Аммонии и Параммона (Гермеса) (Paus. V. 15. 11). Перизгет также утверждает, что посвященные элейцами треножки с их именами, вопросами и полученными ответами хранились в оазисе Сива еще в его время. Этой информацией нельзя пренебрегать, поскольку, судя по осведомленности автора «Описания Эллады» об этом святилище и связанных с ним историях, ему удалось побывать там собственной персоной (Paus. III. 18. 3; IV. 23. 10; VIII. 11. 11; IX. 16. 1)³⁹. Заметим, что в качестве материала для элейских надписей, которые видел Павсаний, послужили треножки — в данном случае материал надписей может косвенно свидетельствовать в пользу их относительной древности — известные к настоящему времени древнейшие элейские надписи из Олимпии также выполнены на бронзе⁴⁰.

Стоит обратить внимание на то, что изображения божеств из оазиса Сива были помещены и почитались в Олимпии именно в пританее. В Олимпии исторического времени пританей был сакральным центром — там в очаге Гестии горел постоянно поддерживаемый огонь, пепел от которого ежегодно примешивали к пепельному алтарю Зевса Олимпийского, там же происходили какие-то церемонии тайного характера, разглашать которые Павсаний не решился (V. 15. 11–12), и исполнялись гимны на дорийском наречии, что, вероятно, свидетельствует о становлении этой системы обрядов уже после дорийско-этолийского прихода в Олимпию⁴¹. В пританее же по завершении состязаний пировали атлеты-олимпионики. Для того чтобы включить в этот культовый комплекс новые чужеземные божества, требовались весьма существенные основания. Таким основанием вполне могло стать полученное от ливийского оракула одобрение свершившихся преобразований в устройстве олимпийского празднества. Согласно общераспространенной в эпоху греческой архаики практике, любые перемены как в полисном устройстве, так и в культовой сфере, требовали санкции со стороны общепризнанного религиозного авторитета, каковым в глазах греков были оракулы⁴². При этом замечено, что чем

³⁹ Parke. The Oracles of Zeus. Dodona. Olympia. Ammon. Cambr. (Mass.), 1967. P. 211.

⁴⁰ Siewert. Die wissenschaftliche Bedeutung der Bronze-Urkunden... S. 259–361.

⁴¹ Gardiner. Op. cit. P. 267–269; Drees. Op. cit. P. 124; Herrmann. Op. cit. S. 104; Mallwitz A. Olympia und seine Bauten. Munich, 1972. Abb. 239; Соколов Г.И. Олимпия. М., 1980. С. 41–42.

⁴² См. Кулишова. Ук. соч. С. 124, 129, 154–157 (см. там же подробную библиографию вопроса).

удаленнее и труднодоступнее был оракул, к которому обращались за советом, тем выше ценилось его вещание⁴³ – в этом отношении заморский Аммон мог оказаться для элейцев более привлекательным, чем ближе расположенные Дельфы и тем более «собственный» оракул Зевса в Олимпии⁴⁴.

Г. Парк предположил, – на наш взгляд, слишком осторожно, что начало элейских консультаций в оазисе Сива следует относить ко времени не ранее конца V в. В качестве основного аргумента исследователь приводил то обстоятельство, что на монетах Кирены, полиса, через который обычно осуществлялись контакты греков с оракулом Аммона⁴⁵, изображения Гермеса Параммона (входящего в почитавшуюся в олимпийском Пританее «ливийскую триаду») появляются приблизительно в это время⁴⁶. Но едва ли этому обстоятельству стоит придавать определяющее значение. Далеко не всегда появление изображения божества, тем более божества, включенного в определенный культовый и мифологический комплекс (как в нашем случае – в триаду Аммон – Гера Аммония – Параммон, где первостепенное место принадлежит не Параммону, а Аммону), на монетах совпадает со временем установления его культа: в той же Олимпии, при несомненном существовании культа Геры в архаическое время, первые монетные выпуски с ее изображением относятся ко времени ок. 420 г.⁴⁷ Изображения самого Аммона на киренских монетах появляются не позднее начала V в., его храм в Кирене может датироваться 520–490 гг.⁴⁸, а сам факт знакомства киренцев, а через их посредство – и многих остальных греков с этим божеством и его оракулом можно достаточно уверенно отнести к VI в. (если не раньше).

Будучи еще в архаическую эпоху одним из важнейших общегреческих святилищ, Олимпия в привлекала к себе всех эллинов, в том числе из областей колонизации, в частности, и из Кирены. На территории Альтиса киренцы имели свою сокровищницу (Paus. VI. 19. 10), сооруженную, по-видимому, ок. середины VI в.⁴⁹, так что не удивительно, что в случае необходимости элейцы могли обратиться к оракулу Аммона уже в VI в., когда им понадобилось утвердить свершившиеся преобразования божественным авторитетом⁵⁰. Материалы научного исследования

⁴³ Polignac F. de. Offrandes, mémoire et compétition ritualisée dans les sanctuaires grecs à l'époque géométrique // Religion and Power in the Ancient Greek World. Uppsala, 1996. P. 61–63.

⁴⁴ См. подробнее о роли оракула в Олимпийском святилище: Sinn U. Olympia: die Stellung der Wettkämpfe im Kult des Zeus Olympios // Nikephoros. 1991. 4. S. 31–54; Parke. Op. cit.

⁴⁵ Classen C.J. The Lybian God Ammon in Greece before 331 B.C. // Historia. 1959. 8. № 3. P. 349–351; Parke. Op. cit. P. 202–206.

⁴⁶ Parke. Op. cit. P. 211.

⁴⁷ Gardner P. The Coins of Elis. L., 1879. P. 18–20; Kraay C.M. Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley–Los Angeles, 1976. P. 105.

⁴⁸ Classen. Op. cit. P. 350–351.

⁴⁹ Атрибуция сокровищницы Кирены вызывает сомнения (Herrmann. Op. cit. S. 97–100; Соколов. Ук. соч. С. 52). По замечанию Х.-Ф. Херрманна (Op. cit. S. 120), строительная деятельность других полисов на территории Олимпии была ограничена в период ранней классики, так что проблемы с точной атрибуцией этого памятника не могут служить аргументом против его относительно ранней датировки.

⁵⁰ Заметим, что время правления Псамметиха II частично совпадает с принятой большинством исследователей временем Первой священной войны, когда ближе расположенные к Элиде Дельфы могли оказаться временно недоступны (Глускина. Дельфы... С. 213–215; Кулишова. Ук. соч. С. 202–203). Однако выбор Аммона мог быть продиктован также его большей удаленностью, большей труднодоступностью и отстраненностью от чисто межгреческих дел.

святилища Аммона в оазисе Сива, к сожалению, на сегодняшний день немногочисленные и требующие дальнейшей разработки вопроса, позволяют тем не менее говорить о том, что именно в правление Амасиса там развернулось обширное строительство⁵¹; вероятно и само создание оракульного центра, ориентированного в первую очередь на греков, восходит к этому времени. Именно Амасис изображен на большой стеле, украшающей вход в святилище Аммона (напротив него, с другой стороны от входа изображен местный ливийский «князек» – правитель оазиса). Это дает основание сделать вывод, что при всей особенностях политического статуса оазиса Сива, удаленного от основной территории египетского государства, во время правления данного фараона, власть египетского правителя распространялась и на этот столь привлекавший эллинов культовый центр.

Возникает закономерный вопрос: а не были ли обращение к Аммону и посольство в Египет к фараону событиями одной цепи? Если так, то происхождение предания о посольстве в Египет должно восходить к воспоминанию о реально имевшей место акции, в ходе которой элейцы ставили себе целью закрепление результатов своих законодательных преобразований в Олимпии авторитетом оракула. Если учесть общее благорасположение саисских фараонов, заинтересованных в греческих наемниках, к эллинским святилищам, куда они, как видно на примере Амасиса, могли делать богатые приношения (Herod. II. 182), в данном предположении нет ничего невероятного.

3. ДАННЫЕ ЭЛЕЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ. ЭЛЕЕЦ АМАСИС

Второй существенный факт – это существование элейца по имени Амасис, упомянутого в трактате Феофраста «О любви», цитата из которого дошла в составе XIII книги сочинения Афиней, где одно из действующих лиц говорит другому в ходе застольной беседы о женщинах, вине и прочих прелестях жизни: «Ты ничем не отличаешься от элейца Амасиса, о котором Феофраст в сочинении? О любви? рассказывает, что он [Амасис] стал искушенным знатоком в делах любви» (Athen. Deipn. XIII. 21 (Kaibel) = Theophr. Fr. 108).

Собственно говоря, это все, что нам известно об этом человеке. Маленький отрывок «Пирующих мудрецов» позволяет лишь еле-еле уловить след конкретного исторического персонажа, оставив от него имя и «пикантную» репутацию, которая, впрочем, согласуется с тем стереотипным образом элейцев как ведущих роскошно-изнеженный и беспутный образ жизни, который представлен в сохраненной тем же Афинеем эпиграмме⁵²:

⁵¹ *Fakhry A. Siwa Oasis. Its History and Antiquities. Cairo, 1944. P. 88–91; Суконников Б.Д. Оракул Амона в оазисе Сива и его международные связи. Дипл. работа. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 1984. С. 45–52.*

⁵² Ср.: Рунг Э.В. Элейский образ жизни (к вопросу об 'Αγούρῃ τοῦ βίου элейцев) // АВ. Омск, 1994. Вып. 2. С. 96–97. В указанной работе высказано предположение, что формирование соответствующего образа жизни связано с появлением у Элиды городского центра и соответствующей инфраструктуры, что, по мнению Э.В. Рунга, произошло после синойкизма 471 г. Исходная посылка данного умозаключения далеко не безупречна: исследования показали, что на месте городища Древняя Элида и прежде 471 г. существовало поселение, бывшее административным и культовым центром региона (*Eder B., Mitsopoulos V. Zur Geschichte der Stadt Elis vor dem Synoikismos von 471 v. Chr. // JÖAI. Bd 68 (Beiblatt). Baden bei Wien, 1999. Sp. 1–40; Eder B. Im Reich des Augeas: Elis und Olympia zwischen 1200 und 700 v. Chr. // Anzeiger der philosoph.-hist. Kl. 138 Jg. 2003. S. 89–121*), в то же время характерные черты этого поведения (винопитие, роскошь и любовные утехы)

Пьет Элида и лжет, ведь то, что делает каждый

В полисе, то же творит полис как таковой⁵³.

(Athen. X. 442E=Polem. Perieg. Fr. 80)

Составители «Словаря греческих личных имен» (LGPN), а вслед за ними и С. Зумбаки, автор недавно вышедшего исследования по просопографии Элиды, предположительно и довольно осторожно датируют время жизни элейца Амасиса V–IV вв.⁵⁴ Однако это предположение нельзя признать оптимальным.

Не обязательно, чтобы Феофраст писал о своем современнике или старшем современнике – это была достаточно известная ко времени Феофраста личность, приключения (или злоключения?) которой стали достоянием гласности и были известны сколь бы то ни было широкой публике. Сам факт, что элеец носит имя египетского фараона⁵⁵, с которым один из вариантов предания об элейском посольстве связывает консультацию об Олимпийских играх, достаточно показателен, чтобы его игнорировать. Наречение детей именами иноземных династов (или просто иноземных народов) практиковалось, как правило, среди представителей греческой знати, которая таким образом хотела проявить свои внешнеполитические связи и продемонстрировать ксенические отношения с сильными мира сего (или по меньшей мере создать видимость их, этих связей, наличия)⁵⁶. Именно таким образом среди афинян появлялись лица, носившие спартанское имя Алкивиад, лидийское имя Крез, дети Кимона получили имена Лакедемоний, Улий и Фессал, а племянник коринфского тирана Периандра получил имя Псамметих. Еще один грек по имени Псамметих, сын Феокла, известен нам из знаменитой надписи на ноге колоссальной статуи фараона Рамсеса II из Абу-Симбела⁵⁷ (показательно, что такая практика имянаречения засвидетельствована среди греческих наемников в Египте, – вероятно, находившихся на службе саисских фараонов уже во втором

вполне отвечают мотивам греческой лирики архаического периода и довольно ожидаемы как, если можно так выразиться, традиционные сферы самореализации греческой знати доклассической эпохи – демонстративное потребление.

⁵³ Перевод Г.П. Чистякова.

⁵⁴ A Lexicon of Greek Personal Names. Oxf., 1997. Vol. III A. P. 32; Zoumbaki S.B. Prosopographie der Eleer bis zum 1 Jh. v. Chr. Athen, 2005. S. 77. A 53.

⁵⁵ Оговоримся, что тот же Геродот упоминает еще одного Амасиса – персидского военачальника, несомненно иранского происхождения (*Herod.* IV. 167, 201, 203), это же имя встречается в надписи эллинистического времени из Фанагории (*Саврыкин С.Ю., Масленников А.А.* Свинцовая пластинка с греческой надписью из Фанагории // ВДИ. 2007. № 4. С. 50–61). Издатели склонны связывать происхождение данного антропонима с Малой Азией и, в частности, городом Амасией. Нам кажется, что в данном случае мы имеем дело с омонимичными, не связанными генетически, антропонимами иностранного происхождения, которые греки воспринимали на слух и письменно фиксировали одинаково. В случае с элейским Амасисом более вероятным видится египетское происхождение его имени – хотя бы потому, что иные примеры антропонимов египетского происхождения в Элиде зафиксированы (см. ниже), а иранского и малоазиатского – нет.

⁵⁶ *Herman G.* Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // CQ. 1990. 40. № 2. P. 349–363; *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 66–68; *он же.* Просопографическая заметка об афинской аристократии эллинистической эпохи // ААе. 2005. Вып. 1. С. 122–130.

⁵⁷ *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxf., 1969. № 7; о надписи см. *Lloyd.* Herodotus Book II. Introduction. P. 21–22.

поколении). При этом логично было называть своего отпрыска именем правящего в тот момент фараона, а не давно ушедшего в прошлое, и тем более странно было бы называть ребенка в честь египетского фараона, когда Египет находился под властью персов, – если принимать датировку элейца Амасиса, предложенную С. Зумбаки и авторами LGPN.

Самый знаменитый из греков, носителей имени Амасис, – это гончар, живший в Аттике ок. 570 – ок. 500 г. до н.э. и, вероятно, своим происхождением связанный с ионийскими поселенцами в Египте⁵⁸. Примечательно, что ЛИ Амасис не зафиксировано в греческой Киренаике – области, через которую, очевидно, осуществлялись контакты между Балканской Грецией и саисским Египтом. Встреченное в Элиде ЛИ Амасис является уникальным не только для Элиды, но также в целом для регионов Пелопоннеса и Северо-Западной Греции (Корпус LGPN. Vol. III).

Стоит обратить внимание и на другие имена в элейском ономастиконе, связанные с Египтом. На сегодняшний день таких имен зафиксировано два.

(1) ЛИ Египет (Αἴγυπτος) – зафиксировано в доримское время дважды: так звали отца элейского олимпионика Тимона (ок. 400 г.) и отца некоего олимпионика, победителя в борьбе во II в. до н.э. (IvO. 189)⁵⁹, но встречается в Элиде и в императорское время. Это имя было достаточно популярно и в других регионах Греции – 1 раз встречается в Аттике, 7 раз – на Пелопоннесе и в Северо-Западной Греции, 3 раза – в Центральной Греции.

(2) ЛИ Аммоний – встречается в Элиде в императорское время⁶⁰. Данное ЛИ пользовалось популярностью и в других регионах: в Аттике оно засвидетельствовано 53 раза, на Пелопоннесе и в Северо-Западной Греции – 14 раз (включая дериваты этого имени), в Центральной Греции – 4 раза.

Имена Аммоний и Египет скорее связаны с популярностью оракула Аммона, их использование значительно «растянуто» во времени и не имеет такой четкой хронологической привязки, как ЛИ Амасис.

Таким образом, сам факт употребления в Элиде ЛИ Амасис стоит признать явлением исключительным и неординарным. За этим случаем может скрываться некая достаточно яркая, но не известная нам история, связывающая какой-то элейский род не просто с Египтом, но именно с конкретным фараоном VI в. Думается, эти соображения следует учитывать, говоря о вероятной датировке как самого факта именнаяречения элейца греческим вариантом имени египетского фараона, так и тех событий, которые этому факту предшествовали⁶¹.

Это еще один «элейский след» в Египте VI в. – след вполне реальный и, возможно, имеющий отношение к возникновению предания об элейском посольстве.

⁵⁸ LGPN. II. 24; Boardman J. The Amasis Painter // JHS. 1958. 78. P. 1–3; *idem*. The History of Greek Vases. L., 2007. P. 61, 150–151.

⁵⁹ Zumbaki. Prosographie der Eleer... S. 61–62. A 28, 29.

⁶⁰ *Idem*. Elis und Olympia in der Kaiserzeit. Das Leben einer Gesellschaft zwischen Stadt und Heiligtum auf prosopografischer Grundlage. Athen, 2001. S. 205–206. Anm. 45–46.

⁶¹ При этом не столь важно, когда именно жил упомянутый Феофрастом Амасис, – важно, что время проникновения этого имени в элейский ономастикон должно быть отнесено к VI в. до н.э. В дальнейшем распространенная среди греков практика давать внуку имя деда вполне могла обеспечить преемственность этого ЛИ в пределах одного рода.

4. ГЕРОДОТ ИЛИ ДИОДОР?

В заключение, хотелось бы еще раз вернуться к вопросу о соотношении рассказов Геродота и Диодора.

Выше мы уже отмечали существенные расхождения версий великого галикарнасца и его сицилийского коллеги. Вопрос о приоритете одной из версий имеет принципиальное значение только в том случае, если мы признаем за этим рассказом какую бы то ни было историческую ценность, и согласимся, что речь идет не о досужем вымысле античного историка (будь то сам Геродот или кто-то из его предшественников), а о чем-то большем.

Выше мы старались показать, что основой предания об элейском посольстве к египетскому фараону саисской династии могли послужить реально имевшие место контакты между представителями элейского полиса и Египтом. Вовсе не обязательно, что эти контакты ограничивались однократным визитом в святилище в оазисе Сива с целью получить санкцию на какие-то серьезные преобразования в устройстве Олимпийского празднества: попутно могли решаться и торговые, и дипломатические задачи, определение на службу к фараонам в качестве наемников и т. д.

Однако стоит задаться вопросом о том, почему Геродот и Диодор датируют посольство разным временем и кто из этих авторов ближе к истине.

С одной стороны, в пользу «Отца истории» говорит как его хронологическая близость к описываемым событиям (что ни говори, а от Геродота до Псамметиха II минуло гораздо меньше времени, чем от Амасиса до Диодора, и данные Геродота по не столь далекой от него архаической эпохе, в целом, признаются достаточно надежными)⁶², так и развернутость и законченность его рассказа. Также в пользу надежности датировок Геродота, как ни парадоксально звучит, оказывается именно небольшое количество сведений, которые он приводит о не таком уж и продолжительном правлении Псамметиха II: он знает только про его поход в Элефантину да этот наш «анекдот» о посольстве. Геродот, относя рассказ про элейцев ко времени жизни этого фараона, делал это без тени сомнения, что, разумеется, подкупает.

Версия Диодора, как мы уже говорили выше, на фоне рассказа его предшественника оставляет впечатление сокращенной и вторичной истории, рассказывая которую, автор вполне мог стать жертвой aberrаций памяти и спутать не столь знаменитого Псамметиха II⁶³ с гораздо лучше известным греческому миру (и греческому читателю эпохи Диодора) Амасисом, чье имя и без того обросло разными занятыми легендами (ср. Herod. II. 162; 172–174; 181; III. 1; 16; 40–43).

С другой стороны, безоговорочно принять версию Геродота не позволяет имеющийся на сегодняшний день в нашем распоряжении материал по истории Олимпии и Элиды. Все изменения в структуре управления Олимпийскими играми нам становятся по разным источникам заметны уже во время «после Псамметиха»: и элейско-писейский конфликт, и появление второго олимпийского судьи-распорядителя, и первые эпиграфические памятники, фиксирующие нормы поведения на Играх и в святилище – все это происходит уже после 589 г. до н.э. (год окончания правления Псамметиха II). Получается, что элейцы должны были замыслить крупномасштабные преобразования в Олимпийском святилище сильно заранее – еще

⁶² Лурье С.Я. Геродот. М.–Л., 1947. С. 122.

⁶³ Ллойд предполагает, что для современников и ближайших потомков экспедиция Псамметиха II в Нубию могла выглядеть как гораздо более значимое событие, нежели это склонен воспринимать современный читатель труда Геродота (Herodotus Book II. Commentary. 99–182. P. 166).

до того как удалось сломить сопротивление писейских правителей Дамофонта и его брата Пирра, до того как Писа была покорена, было учреждено два избираемых жребием распорядителя игр (с 580 г.), построен булеутерий, реорганизован стадион и появляются первые надписи, фиксирующие нормы поведения в святилище и правила состязаний. При этом хроника Юлия Африкана датирует окончание писейского руководства играми 572 годом (Euseb. Chron. I. P. 198 Schoene), датировка соответствующих событий по Павсанию несколько отличается, но, в целом, также приходится на первую четверть VI в. до н.э. (Paus. V. 9. 4; VI.21.1; 22. 2–3).

С другой стороны, даже сам «отец истории» Геродот не может быть абсолютно непогрешим. Верный своему принципу «передавать все, что рассказывают», он неизбежно зависит от своих источников⁶⁴. Если предание почерпнуто Геродотом не из Египта – а выше мы постарались обосновать, что источник предания неегипетский, на него едва ли стоит автоматически распространять добротные качественные характеристики, которые свойственны информации Геродота о саисском периоде в Египте. Прежде чем Геродот включил рассказ об элейцах у фараона в свой труд, эти сведения должны были как-то бытовать достаточно продолжительное время (примерно в течение столетия) – в устной ли форме или, быть может, в стихах нравоучительного содержания, подобных сочинениям Ксенофана (Xenoph. Fr. 2. Gentili – Prato) – и тут могли произойти всевозможные аберрации.

В любом случае, мы не знаем, сам ли Геродот в данном случае датировал событие, рассказ о котором передавал в своем сочинении, или эта датировка унаследована им от его информаторов. Некоторые хронологические нестыковки в труде Геродота применительно к событиям VI в. уже отмечались исследователями: это, в частности, проблема встречи Солона и Алкмеона с Крезом – по предположению, высказанному И.Е. Суриковым и поддержанному О.В. Кулишовой, причиной аберрации была не хронологическая небрежность, а напротив, скрупулезная работа древнего автора с источниками: вероятное наличие солоновской элегии, упоминавшей Креза, и факт того, что имя Крез носил один афинянин – предположительно сын Алкмеона⁶⁵. Возможно ли, чтобы в случае с элейским посольством Геродот тоже ошибся в датировке?

С другой стороны, датировка посольства временем Амасиса более гибкая и скорее согласуется с наблюдаемыми изменениями в Олимпии. Амасис проявлял очевидный интерес как к греческим святилищам, так и к оракулу Аммона, да и имя Амасис носил элеец. К тому же Диодор, стремившийся выстроить общую для известной ему ойкумены хронологическую шкалу и для этого синхронизировавший датировки по афинским архонтам, олимпиадам и римским консулам, уделял хронологии большое внимание⁶⁶. В распоряжении Диодора могли быть какие-то дополнительные источники, датировавшие элейское посольство временем Амасиса (о том, что такие источники вполне могли существовать, мы уже отмечали выше – другое дело, насколько содержащаяся в них информация соответствовала действительности). Археологическое изучение оазиса Сива или новые данные об истории Элиды в первой половине VI в. до н.э. могут в будущем пролить свет и на эти загадки.

⁶⁴ Суриков И.Е. Геродот и египетские жрецы. К вопросу об «Отце истории» как «отце лжи» // Исседон. 2007. Т. 4. С. 25.

⁶⁵ Кулишова. Ук. соч. С. 226–227; Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 142. Ср.: Струве В.В. Хронология VI в. до н.э. в труде Геродота // ВДИ. 1952. № 2. С. 66–78, где в качестве причины аберраций предполагается контаминация Геродотом сведений о двух разных солнечных затмениях.

⁶⁶ Строецкий В.М. Диодор Сицилийский и его «Историческая библиотека» в оценке историографии // ВДИ. 1983. № 4. С. 177–179.

Наконец, существует и еще одна возможность примирения двух версий предания о посольстве, мимо которой не следует проходить. Имя Амасис (египетское Яхмос) в VI в. в Египте носил не один лишь фараон. Уже упоминавшаяся нами выше надпись греческих наемников Псамметиха II из Абу-Симбела упоминает египетского военачальника по имени Амасис, который также участвовал в походе наемников в Нубию и руководил негреческим контингентом. Помимо упоминания в греческой надписи, от него сохранилась также статуэтка-ушебти с надписью, на которой он назван «командиром египтян»⁶⁷. Существует вероятность, что «ксе-ном» родителей элейца Амасиса мог стать не известный фараон, а этот самый военачальник – современник Псамметиха II.

Следует помнить, что обрывочный характер данных, которыми мы вынуждены оперировать, таит в себе опасность, что в стремлении подкрепить гипотезу и восстановить целостную картину можно увлечься и использовать фрагмент, не имеющий непосредственного отношения к исследуемой действительности (как кусочек «из другой головоломки»). Элеец Амасис тоже может оказаться «лишней деталью». В этом отношении положение современного историка, продирающегося через упорное молчание источников и с надеждой хватающегося за малейшие детали, и та ситуация, в которой находились Геродот и Диодор, в чем-то схожи.

В любом случае, данные элейской ономастики и просопографии, сколь бы ничтожно малы и отрывочны они ни были, позволяют намного более уверенно говорить о наличии связей между Элидой и Египтом уже в VI в., а на этом фоне предание об элейском посольстве, дошедшее до нас в форме анекдота, а вместе с ним – и ранняя история элейско-писейского соперничества за руководство Олимпией оказываются гораздо глубже укорененным в исторической реальности, нежели в мире воображаемого.

ARCHAIC ELIS AND EGYPT: ON THE PROBLEM OF CONTACTS

P.A. Evdokimov

The article deals with the ancient tradition about the Elean delegation sent to an Egyptian pharaoh (Psammetic II or Amasis) in order to find the best way to organize the Olympic games. The evidences of Herodotus (II. 160) and Dio-dorus Siculus (I. 95. 2) should be compared with some allusions in Plutarch and Philostratus, with Pausanias' evidence concerning Elean envoys to the Siwa oracle and with prosopographical and onomastic data. Elean Amasis, mentioned by Theophrastus (apud Athen. Deipn. XIII. 21 (Kaibel)), might have taken his personal name from the Egyptian king as a result of some real contacts, which occurred during the 4th century BC. The habit to use the names of foreign dynasts was rather typical of Greek aristocracy, who wanted to demonstrate in such a way xenic (or quasi-xenic) relations.

The historical circumstance of those supposed contacts was the struggle between Elis and Pisatis for control over the Olympic sanctuary and the administration of the Games. The Elean address to Egypt, his kings, oracles and wise men might have been originally an attempt to get support from some independent authority, but we can find only some transformed traces of this historical fact presented by anecdotes in the works of Herodotus and Diodorus. The origin of these anecdotes might have been anti-Elean, but their critical spirit concerning the administration of the Olympic games corresponds to the clause from a 4th century BC Olympic inscription, which warns against the partiality of the Elean judges. If we take all these facts into account, the history of Elean envoys itself looks more real than its fictional anecdotic entourage. The dating of the embassy in Diodorus' version (i.e. to the time of Amasis) seems to be more precise.

⁶⁷ *Lloyd*. Herodotus Book II. Introduction. P. 22; *Браун*. Ук. соч. С. 68.